

КОНСТАНТИН БОГДАНОВ

Русь и Польша в X — XI вв.

ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКИХ
ПАРАЛЛЕЛЕЙ

Константин Богданов

**Русь и Польша в X – XI вв.
Опыт исторических параллелей**

«Издательские решения»

Богданов К. А.

Русь и Польша в X – XI вв. Опыт исторических параллелей /
К. А. Богданов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500737-7

У нас нет сведений о том, когда зародились самые первые контакты между Пястами и Рюриковичами, какой характер они носили, и что послужило непосредственной причиной их возникновения. Письменные источники на этот счёт хранят глубокое молчание; в них нет ни одного, даже самого короткого сообщения, проливающего свет на интересующий нас вопрос. Польско-русские отношения в IX в. и в первой половине X в. остаются полнейшей загадкой для исследователей.

ISBN 978-5-00-500737-7

© Богданов К. А.
© Издательские решения

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	6
ГЛАВА 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Русь и Польша в X – XI вв. Опыт исторических параллелей

Константин Александрович Богданов

© Константин Александрович Богданов, 2019

ISBN 978-5-0050-0737-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РУСЬ И ПОЛЬША В X – XI ВВ.

ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ..

ВСТУПЛЕНИЕ

Необходимо сразу же отметить, что близкое соседство Руси и Польши, общие славянские корни, населявших их народов, обусловили особый характер взаимоотношений между ними. Неспроста в Великопольской хронике, отражающей важнейшие события польской истории с момента возникновения польского народа, вплоть до второй половины XIII в., говорится о трёх братьях – Лехе, Русе и Чехе, которые были сыновьями Пана, владыки паннонцев, и стояли у истоков возникновения народов польского, русского и чешского. «Эти трое, умножаясь в роде, владели тремя королевствами: лехитов, русских и чехов... и в настоящее время владеют и в будущем будут владеть, как долго это будет угодно – божественной воле...» – отмечает составитель Великопольской хроники. Он же говорит о том, что Паннония, которой владел Пан, согласно древним книгам, является матерью и прародительницей всех славянских народов. Неудивительно, что осознание общности трёх славянских народов, широко распространённое в средние века среди простых людей, примером чего служит вышеприведённое предание, в той или иной степени, должно было повлиять на взгляды представителей правивших в Польше и на Руси династий.

Действительно, между Пястами и Рюриковичами много общего; история связала их прочными нитями. Обе династии на протяжении многих лет не только поддерживали между собой тесные контакты, но и породнились, посредством многочисленных браков, начало которым было положено в XI в. Среди наиболее известных брачных союзов, заключённых между Рюриковичами и Пястами в XI – XII вв., следует отметить брак туровского князя Святополка, приёмного сына великого киевского князя Владимира Святославича, с дочерью польского князя Болеслава I Храброго, брак польского князя Казимира I Восстановителя с Марией – Доброгневой, сестрой великого князя киевского Ярослава Мудрого...

При всей близости Пястов и Рюриковичей, продиктованной их близким соседством и родственными связями, между ними были довольно существенные различия, лежащие, по большей части, в плоскости генезиса, т.е. происхождения их власти.

В отличие от Рюриковичей, Пясты укоренены в польской истории. Легенда о призвании первого Пяста на княжеский престол следует общему духу западославянской традиции. Пяст – выходец из народных низов, волей проведения вознесённый на самую вершину властной иерархии польского государства. Польские летописцы возводят правление первых Пястов к ранним векам польской истории. При всём желании, мы не сможем определить, когда именно был избран первый Пяст на польский престол и когда именно правили его ближайшие преемники. Неясные смутные очертания первых Пястов проходят перед нашими глазами, словно тени, исчезая в тумане легенд и преданий.

Напротив, начало правления династии Рюриковичей в Северо-западной Руси, с точки зрения хронологии, очерчено вполне безупречно. 862 год – год призвания варягов-руси – является общепризнанной точкой отсчёта русской государственности. Мы можем сколько угодно рассуждать о том, существовали ли у племён, призвавших Рюрика с братьями, в качестве своих правителей, какие-либо формы государственного строя, до того, как они объединились в одно общее государство, но письменные источники отчётливо связывают возникновение Древнерусского государства именно с призванием братьев варягов. Намного сложнее обстоит дело с определением генетических связей Рюриковичей с призвавшими их племенами. Согласно «Повести временных лет», Рюриковичи – чужаки (или «находники», пользуясь терминологией древнерусского летописца), призванные на княжение племенами, обитавшими на северо-западе будущего Древнерусского государства. При этом, невозможно определить, какое из племён, призвавших Рюрика с братьями, играло ведущую роль в этом союзе. Словене новгородские, похоже, единственное славянское племя, участвовавшее в призвании Рюриковичей. Все

остальные племена – финно-угорские и балтские. Это отчётливо свидетельствует о том, что Древнерусское государство изначально создавалось на конфедеративной основе и носило межэтнический характер. Представители разных этносов, отличавшихся друг от друга по языку и культуре, были объединены под властью одного князя, который не имел общих корней ни с одним из участвовавших в его призвании племён.

На каком языке разговаривали первые Рюриковичи мы, естественно, никогда не узнаем. Возможно, что это был шведский или датский язык, но возможно, также, что это был какой-то другой язык западных славян или балтов, не имеющий отношения к скандинавским языкам. Впрочем, о происхождении варягов – руси существует множество, но ни одна из них, в виду недостатка фактических доказательств, не может быть принята в качестве окончательной. В любом случае, язык первых Рюриковичей, если мы будем строго следовать версии норманистов, вряд ли был понятен большинству тех этносов, на основе которых сложилось Древнерусское государство. А если быть ещё более точным, то язык Рюриковичей не был понятен ни одному из этносов, участвовавших в их призвании. Поэтому никакого следа в русской истории он не оставил. Да и какие следы мог оставить в истории язык сравнительно небольшой группы людей, существовавшей изолированно от основной массы подвластных племён?

Язык, а вместе с ним и культурные традиции первых Рюриковичей и их ближайшего окружения, без следа растворились в прошлом. Вряд ли замечание древнерусского летописца о единстве русского и славянского языков способно пролить свет на происхождение варягов-руси. Всё, что мы можем почерпнуть из этого замечания, так это то, что варяги-русь, впоследствии, стали разговаривать на славянском или, русском, языке. Но было ли так с самых первых дней правления Рюриковичей на Руси? Если до конца следовать версии норманистов, то, безусловно, нет.

Очевидно, также, что у первых Рюриковичей не было своей письменности. Не существует ни одного письменного источника, составленного на языке варягов – руси. Зато такая письменность была у восточных славян, участвовавших в призвании Рюриковичей. Это так называемая «кириллическая письменность». Распространение этой письменности началось, примерно, в одно и то же время с летописным призванием варягов.

Вполне логично предположить, что по мере продвижения варягов-руси вглубь восточнославянских земель, они перенимали у славян не только язык, но и письменность. В начале X в. славянский язык становится языком правящих элит, а затем и языком межэтнического общения в рамках формирующегося Древнерусского государства. Чтобы понимать друг-друга, представители разных племён, объединённых под властью новгородских, а затем и киевских князей, потомков Рюрика и его братьев, должны были общаться на славянском языке. Славянский или русский язык постепенно обретает статус официального языка, на котором составляются международные документы. Свидетельством этого являются древнейшие письменные договоры Руси с Византией (2 сентября 911, 944, 971 гг.). Поэтому, мы можем сказать, что с первых десятилетий существования Древнерусского государства, именно славянский, а не какой – либо другой язык, становится языком межплеменного общения, языком скрепляющим единство разных этносов под властью Рюриковичей.

Показательно, что мы узнаём о начальном периоде существования Древнерусского государства из источника, написанного на старославянском языке. Объясняется это тем, что именно славяне, раньше своих соседей, получили такое мощное средство общения, как письменность. Этого средства общения тогда не было ни у финно – угров, ни у балтов. Скорее всего, именно этим, как мы уже сказали, был обусловлен приоритет славянского языка в Древнерусском государстве.

Польское государство, в отличие от Древней Руси, изначально складывалось на общей этнической основе, которую составили поляки или лехиты. В Энциклопедическом словаре

Брокгауза и Ефрона сказано, что польская, или лехитская, народность составила́сь из нескольких славянских племен (людов), носивших названия мазуров, кашубов, куявян, силезцев, поморян и др. Учитывая близкородственный характер этих племён, мы можем сказать, что в древности они разговаривали на языках, похожих друг на друга. В ходе формирования Древнепольского государства, следовательно, не возникало той проблемы, с которой столкнулись древние русичи – проблемы выбора языка межплеменного общения.

С первых лет своего пребывания у власти, Рюрик стремится расширить пределы своей державы. Братья Рюрика, Синеус и Трувор, занимают важные города в Северо-западной Руси: Белоозеро и Изборск. После смерти своих братьев, Рюрик, ведёт себя, как полновластный хозяин, в землях призвавших его племён, раздавая своим мужам города: одному Полоцк, другому – Ростов, третьему – Белоозеро.

Спустя некоторое время, Аскольд и Дир, которые в Повести временных лет фигурируют в качестве приближённых Рюрика, его «бояр», отправляются в Киев. Утвердившись в Поднепровье, русы атакуют столицу Византии Царьград (Константинополь). Дата первого похода руссов на Константинополь – 866 г., указанная в Повести временных лет, выглядит спорно. Из византийских источников мы знаем, что поход случился в 860 г., т. е. формально до прихода Аскольда и Дира в Киев. Затем походы на Византию неоднократно продолжаются при князьях Олеге, Игоре, Владимире и Ярославе.

Походы Святослава в Болгарию говорят о его широко идущих внешнеполитических планах, о стремлении закрепить на берегах Дуная, перенести в Переяславец столицу своего государства.

Как всё это не похоже на польскую историю, по крайней мере, до того момента, как на польский престол вступил князь Мешко I. В IX и в первой половине X вв. поляки находятся как бы в состоянии исторического небытия. В своём сочинении Аноним Галл, писавший в XII в., вынужден был признать, что страна польская удалена от проторенных дорог паломников и знакома она лишь немногим, идущим на Русь ради торговли.

Во второй половине X в. ситуация в Польше кардинально меняется. Страхнув с себя многовековой сон, она выходит на сцену истории.

Нельзя не отметить некоторую синхронность исторических событий в двух странах, в Руси и Польше, во второй половине X в. Так, принятие христианства в Польше и Киевской Руси происходит почти одновременно. В 966 г. польский князь Мешко вместе со своими приближёнными принимает крещение, а в 980 г. на всей территории Польши запрещается языческое богослужение.

На Руси крещение происходит в 988 г. Однако, христианство здесь существовало задолго до этой даты. Христианкой была киевская княгиня Ольга. Вместе с сопровождавшими её знатными руссами, она приняла крещение во время своей поездки в Константинополь в 957 г. Христиане в это время жили в Киеве и других русских городах. Поэтому решение князя Владимира крестить Русь выглядит отнюдь не спонтанным. Оно было обусловлено самим ходом древнерусской истории. Вместе с тем, христианство на Руси приживалось довольно трудно. Потребовалось не одно столетие, прежде чем оно закрепилось в народных низах и распространилось на все земли, входившие в состав Древнерусского государства. В Польше, с поправкой на значительно меньший размер её территории, распространение христианства, на первых порах, тоже встретилось со значительными трудностями. Языческая реакция, поднявшаяся после смерти Болеслава I Храброго, едва окончательно не уничтожила ростки христианства в стране.

Примерно с одинаковыми проблемами сталкивались Польша и Русь всякий раз, когда вставал вопрос о престолонаследии. Вопрос этот приходилось решать большой кровью, путём княжеских междоусобиц, нередко приводивших к иностранному вмешательству. Порой борьба между соперниками затягивалась на долгие годы, истощая их силы. Но и после рас-

пада Руси и Польши на ряд удельных княжеств, количество княжеских междоусобиц отнюдь не уменьшилось.

ГЛАВА 1

В поисках точки отсчёта – Первые упоминания о русско-польских отношениях – Критический разбор первоисточников -Распространение власти русских князей на Запад и Юго-Запад.

У нас нет сведений о том, когда зародились самые первые контакты между Пястами и Рюриковичами, какой характер они носили, и что послужило непосредственной причиной их возникновения. Письменные источники на этот счёт хранят глубокое молчание; в них нет ни одного, даже самого короткого сообщения, проливающего свет на интересующий нас вопрос. Польско-русские отношения в IX в. и в первой половине X в. остаются полнейшей загадкой для исследователей.

В условиях нехватки исторических знаний о первых русско-польских контактах, нам приходится довольствоваться теми сведениями, которые есть в наличии. Несмотря на крайне скудный характер этих сведений, они, по крайней мере, позволяют нам получить хотя бы приблизительную картину взаимоотношений Пястов и Рюриковичей в последней четверти X в.

Первое упоминание о взаимоотношениях Пястов и Рюриковичей, зафиксированное в Повести временных лет, относится к 981 г.: именно тогда киевский князь Владимир Святославич пошёл на польского князя Мешко I и захватил принадлежавшие ему Червенские города: Перемышль, Червен и другие, название которых осталось за рамками летописного предания. Упоминая о занятых Владимиром польских градах, летописец говорит о том, что они и доньше находятся под Русью¹.

Неизвестно, что послужило причиной возникновения этого конфликта и как долго он длился? Почему внимание киевского князя привлекли именно Червенские города?

Летописное сообщение о занятии Червенских городов князем Владимиром слишком лаконично; основываясь только на нём одном, мы вряд ли сможем понять суть происходивших тогда событий. Попробуем, поэтому, выйти за рамки этого сообщения и привлечь к нашему обсуждению другие источники, чтобы с их помощью восстановить недостающие детали указанного события.

Начнём, пожалуй, с того, что относительно самой даты этого события, в более поздних источниках, как в русских, так и в польских, нет общего мнения.

В Густынской летописи, составленной в начале XVII в., это сообщение датировано 982 г.²

В свою очередь, польский историк Длугош, писавший в XV в., относит завоевание Червенских городов Владимиром к 985 г. У него это завоевание происходит после реформы языческого богослужения, осуществлённой Владимиром в 978 г., опять же по хронологии Длугоша.

«Закончив дела с языческим богослужением, – пишет Длугош, – князь Руси Владимир обращается к оружию и для начала объявляет войну князю Польши Мечиславу и полякам, которая шла с переменным успехом, принося победы то полякам, то русским. Князь Руси завоевывает польские крепости, а именно Перемышль, Червен и прочие, а завоевав, занимает и, снабдив крепкими воинским гарнизоном, подчиняет и присоединяет их к своей и русских власти. Затем идёт против радимичей, которые также происходят от поляков, и, победив, налагает дань»³. В представлении Длугоша, как видим, овладение Владимиром Червенскими городами и подчинение радимичей неразрывно связаны между собой. По сути, это два этапа одной и той же военной кампании.

---

¹ ПСРЛ, СПб, 1846, т.1, Лаврентьевская летопись, с.31

² ПСРЛ, т.40, СПб, 2003. Густынская летопись, с/39.

³ Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. (Книги I – VI), М, 2004, с.230

Стоит отметить, что вопрос о достоверности летописного сообщения о занятии Владимиром Червенских городов в 981 г. до сих пор является дискуссионным. Довольно большая группа исследователей, как российских, так и польских, занимавшихся этих вопросом, придерживается мнения, что данное летописное сообщение, как и его датировка, не соответствует действительности. По мнению, этих исследователей, скорее всего, оно отражает политические реалии более поздней эпохи, и оказалось датировано 981 г. вследствие ошибки позднего переписчика. Нельзя не признать, что некоторые аргументы, приводимые в качестве подтверждения этого мнения, выглядят вполне обоснованно.

Как совершенно справедливо заметил в своё время И. А. Линниченко: «Мы не знаем объёма польского государства при первом её историческом известном князе объединителе Мешке I; но оно, кажется, не достигало ещё даже пределов собственной Польши. Некоторые данные указывают, что даже Краков с его областью до конца X в. не принадлежал Польше... Распространению пределов польских на юго-западе ставила препятствие окрепшая к тому же времени Чехия»⁴.

В. Д. Королюк более определённо высказался по этому вопросу:

«... если Краков и значительная часть Малой Польши находились под властью Чехии, то имеем ли мы основание предполагать, что территории восточно-славянских племён – хорватов и дулебов (т. е. территория Червенских городов) могла в изучаемый период входить в состав монархии Пястов. Очевидно нет, поскольку Краковская и Сандомирская земли почти совершенно отрезали её от основного массива польских владений»⁵.

Вот что пишет Н. Н. Ильин, опираясь на мнение В. Д. Королюка: «Сообщение летописи, будто Червенские города были отняты Владимиром в 981 г. у поляков оспаривается. Если Краковская область, как свидетельствует Козьма Пражский, до 999 г. действительно принадлежала чехам, то Червенские города были тогда географически в полном отрыве от остальных владений Мешко I и следовательно не могли принадлежать Польше.

В 981 и 992 г. Владимир занял Перемышль и Червен – городские центры славянских племенных княжений дулебов и хорватов, не утративших до того независимости. Поэтому в X в. никаких польско-русских столкновений не было. Что же касается текста статьи 981 г., то она дошла в изменённой уже редакции, отражающей представления «сего дне» о событиях XI в., когда Червенские города действительно стали ареной польско-русского конфликта»⁶.

Ильин признаёт выше приведённые соображения Королюка вполне вероятными.

Однако, сам же Королюк в своей работе ссылается на польского историка Шелёнговского, который считает, что Пясты могли овладеть Червенскими городами, минуя Малую Польшу, через Мазовию. Впрочем, указание Шелёнговского может быть верно только в отношении Червена. Овладение Пястами Перемышлем ранее 999 г., по-прежнему, выглядит маловероятным.

---

⁴ Линниченко И. А. «Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия, Ч. I. Русь и Польша до конца XII века, Киев, 1884, с.76

⁵ Королюк В. Д. «К вопросу об отношениях Руси и Польши в X в». АН СССР. Институт Славяноведения. Краткие сообщения. Из истории русско-славянских отношений. №9, М., 1952., с.44.

⁶ Ильин Н. Н. «Летописная статья 6523 года и её источник», М, 1957, с.76

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.